

A black and white photograph of a man in a suit and sunglasses, adjusting his tie. He is standing in front of a multi-story building at night, which is decorated with lights. The building has signs that read "PRINCE ALFRED" and "QUEENSWAY". A red banner with gold text is overlaid on the image.

Джеймс Хэдли
Чейз

ГРОБ ИЗ
ГОНКОНГА

Джеймс Хедли Чейз
Гроб из Гонконга
Серия «Иностранная
литература. Классика детектива»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39408691
Перстень Борджиа : романы / Джеймс Хэдли Чейз; Иностранка,
Азбука-Аттикус; Москва; 2018
ISBN 978-5-389-15822-1

Аннотация

Рене Реймонд, известный всему миру под псевдонимом Джеймс Хэдли Чейз, прославился в жанре «крутого» детектива. Он вышел из семьи отставного британского офицера, и отец прочил Рене карьеру ученого. Но в 18 лет будущий писатель оставил учебу и навсегда покинул родительский дом. Постоянно менял работу и испробовал немало профессий, прежде чем стал агентом-распространителем книг, основательно изучив книжный бизнес изнутри. Впоследствии он с иронией вспоминал: «... Пришлось постучать не менее чем в сто тысяч дверей, и за каждой из них мог встретить любого из персонажей своих будущих романов... И столько пришлось мокнуть под дождем, что сейчас никто не в силах заставить меня выйти из дома в сырую погоду...» В течение почти полувековой писательской

деятельности Чейз создал порядка девяноста романов, которые пользовались неизменным успехом у читателей разных стран, и около пятидесяти из них были экранизированы.

Содержание

Глава первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Джеймс Хедли Чейз

Гроб из Гонконга

James Hadley Chase

A COFFIN FROM HONG KONG

Copyright © Hervey Raymond, 1962

All rights reserved

© С. В. Денисенко, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство Иностранка®

* * *

Глава первая

1

Я уже собирался закрывать офис, когда раздался телефонный звонок. Было десять минут седьмого. День оказался унылым, долгим и никчемным: посетителей не было, почту я бросил в мусорную корзину, даже не вскрыв конвертов, и вот первый за день телефонный звонок.

Я поднял трубку и постарался произнести ровным и вежливым тоном:

– Нельсон Райан слушает.

Пауза. На том конце провода я вдруг услышал звук запускаемого реактивного двигателя.

Через несколько мгновений шум двигателя стал фоновым, будто звонивший закрыл дверь телефонной будки.

– Мистер Райан? – спросил мужской голос, низкий и спокойный.

– Верно.

– Вы – частный детектив?

– Снова верно.

Пауза. Я слышал его медленное, тяжелое дыхание. А он, вероятно, слушал мое. Потом он сказал:

– У меня есть только несколько минут. Я в аэропорту. Хотел бы нанять вас.

Я потянулся к блокноту.

– Как вас зовут и ваш адрес? – спросил я.

– Джон Хардвик, бульвар Коннаут, тридцать три.

Записав сведения в блокнот, я спросил:

– Что вы хотите мне поручить, мистер Хардвик?

– Я хочу, чтобы вы понаблюдали за моей женой.

Последовала еще одна пауза, поскольку взлетал другой самолет. Он сказал что-то, но я не расслышал из-за рева турбин.

– Я не расслышал, мистер Хардвик.

Он подождал, пока самолет взлетит, затем быстро произнес:

– Мой бизнес требует моего регулярного присутствия в Нью-Йорке, дважды в месяц. Я подозреваю, что, пока я отсутствую, моя жена ведет себя не должным образом. Хочу, чтобы вы понаблюдали за ней. Я вернусь послезавтра, в пятницу. Мне надо знать, что она делает, пока я отсутствую. Во сколько мне обойдутся ваши услуги?

Дело было не из тех, за которые я берусь охотно, но за неимением лучшего...

– Чем вы занимаетесь, мистер Хардвик?

Он ответил с легким раздражением:

– «Эррон», производство пластика.

Корпорация «Эррон» – один из самых больших концер-

нов в этой части Тихоокеанского побережья. Он обеспечивал четверть доходов Пасадены.

– Пятьдесят долларов в день плюс расходы, – сказал я, поднимая мою обычную плату на десять долларов.

– Хорошо. Я сразу же вышлю вам триста долларов в качестве аванса. Я хочу, чтобы вы следовали за моей женой повсюду, куда бы она ни пошла. Если она не выходит из дому, я хочу знать, не посещает ли ее кто-нибудь. Идет?

За триста долларов я сделал бы намного больше. Я ответил:

– Согласен, но почему бы вам не прийти ко мне, мистер Хардвик? Я предпочитаю лично встречаться с моими клиентами.

– Понимаю, но я решил принять меры буквально только что. Я отправляюсь в Нью-Йорк и встречу с вами в пятницу. А сейчас я хочу быть уверен, что вы станете наблюдать за ней во время моего отсутствия.

– Вы можете быть уверены в этом, – ответил я, затем помолчал, пока взлетал еще один самолет. – Мне необходимо описание вашей жены, мистер Хардвик.

– Бульвар Коннаут, тридцать три, – сказал он. – Меня вызывают. Я должен идти. Встретимся в пятницу. – И связь прервалась.

Я положил трубку и вынул из пачки сигарету. Взял лежавшую на столе зажигалку, прикурил и выпустил дым в противоположную стену.

Я занимаюсь частным сыском уже пять лет и за это время повидал немало сумасбродов. Этот Джон Хардвик мог оказаться еще одним, но не хотелось думать, что это так. Он походил на человека в сильном стрессе. Возможно, его уже не один месяц беспокоило поведение жены. Возможно, он долгое время подозревал ее в разных шашнях в его отсутствие и, отправляясь в командировку, наконец решил ее проверить. Это был, скорее всего, импульсивный поступок несчастного человека. Все равно я очень не люблю этого. Я не люблю анонимных клиентов. Мне не нравятся бесплотные голоса по телефону. Я предпочитаю знать, с кем имею дело. А эта ситуация казалась очень уж странной, и сама поспешность выглядела какой-то неестественной.

Пока я обдумывал полученную информацию, я услышал шаги в коридоре. В филенчатую дверь моей комнаты постукали, а потом она открылась, и показался посыльный. Он положил толстый конверт на мой стол и предложил расписаться в своем журнале.

Это был веснушчатый паренек, молодой, с энтузиазмом цеплявшийся за жизнь, которая от меня уже начала убегать. Пока я расписывался в журнале, он издевательски оглядел небольшое обшарпанное помещение, отметил влажное пятно на потолке, пыль на книжном шкафу, ничем не примечательный стол, потертый стул для клиентов и криво висящий календарь на стене.

Когда он ушел, я вскрыл конверт. В нем были тридцать

десятидолларовых банкнот. На вложенной в конверт визитке без изысков было написано: «От Джона Хардвика, бульвар Коннаут, 33, Пасадена».

Сначала я был озадачен тем, как он мог так быстро прислать деньги. Потом решил, что он, вероятно, имеет кредит у службы срочной доставки и немедленно позвонил им после телефонного разговора со мной. Их офис был через дорогу от моего.

Я придвинул к себе телефонную книгу и стал искать Джона Хардвика, но не нашел. Тогда я вылез из моего рабочего кресла и пересек комнату, чтобы свериться со справочником улиц. Тот подсказал мне, что на бульваре Коннаут, 33, живет Джек С. Майерс-младший, а не Джон Хардвик.

Я потерял жесткую щетину, оценивая ситуацию. Бульвар Коннаут был окольной дорогой на Пальма-Маунтин, приблизительно в трех милях от центра города. Это был тот район, где люди часто сдают свое жилье, отправляясь в отпуск. Допустим, Джон Хардвик, руководитель корпорации «Эррон», и его жена арендовали дом на бульваре Коннаут у Джека С. Майерса-младшего, пока их собственный дом еще строился.

Только однажды мне довелось побывать на бульваре Коннаут, очень давно. Частные дома там появились сразу после войны: ничего особенного. Большинство домов – коттеджи, наполовину кирпичные, наполовину деревянные. Лучшее, что там есть, – это вид на город и море и, если вам это нужно, уединение.

Чем больше я думал о задании, тем меньше оно мне нравилось. У меня не было даже описания женщины, за которой я должен наблюдать. Если бы мне не заплатили триста долларов, я не взялся бы за дело, не познакомившись с Хардвиком лично. Но поскольку мне заплатили, деваться было некуда.

Я запер офис, прошел через прихожую, затем запер внешнюю дверь и вызвал лифт.

Мой ближайший сосед, промышленный химик, все еще трудился ради хлеба насущного. Я слышал его ясный баритон, диктующий то ли на магнитофон, то ли секретарю.

Спустившись на лифте, я пересек улицу и, по обыкновению, зашел в снэк-бар. Там попросил бармена Спарроу нарезать мне несколько сэндвичей с ветчиной и курицей.

Спарроу, высокий, худощавый, с копной седых волос, очень интересовался моими делами. Он был неплохим парнем, и я время от времени сочинял для него небылицы о своих приключениях, которые он с удовольствием слушал.

– Вы сегодня вечером работаете, мистер Райан? – спросил он нетерпеливо, приступая к изготовлению сэндвичей.

– Именно, – сказал я. – Я провожу ночь с женой клиента – слежу, чтобы она не проказничала.

Его рот широко открылся от изумления.

– Правда? А на кого она похожа, мистер Райан?

– Ты знаешь Лиз Тэйлор?

Он кивнул и придвинулся, чтобы послушать.

– А Мэрилин Монро?

Его кадык судорожно дернулся.

– Конечно.

Я печально улыбнулся ему:

– Она не похожа ни на одну из них.

Он моргнул, затем, догадавшись, что я шучу, усмехнулся.

– Не суй свой нос куда не следует, да? – пробормотал он. –

Я всего лишь спросил.

– Поторопись, Спарроу, – сказал я. – Время – деньги.

Он положил сэндвичи в бумажный пакет.

– Не делайте ничего, за что вам не заплатят, мистер Райан, – ответил он мне, подавая пакет.

Было уже без двадцати семь. Я сел в свой автомобиль и поехал на бульвар Коннаут. Я не спешил. Когда подъехал к горной дороге, позднее сентябрьское солнце уже скрывалось за верхушкой горы.

Одноэтажные дома на бульваре Коннаут прятались со стороны дороги за деревянными заборами или цветущими кустарниками. Я медленно подъехал к дому номер 33, скрытому за большими двойными воротами. Приблизительно в двадцати ярдах или немного дальше от него имелась придорожная стоянка, откуда открывался великолепный вид на море. Я остановился там, выключил зажигание и перебрался с водительского сиденья на пассажирское. С этой позиции я прекрасно видел двойные ворота.

Мне не оставалось ничего другого, как ждать. А это я умел делать отлично. Если вы настолько сумасшедший, что реши-

ли стать частным детективом, тогда терпение – залог успеха.

В течение следующего часа лишь три или четыре автомобиля проехали мимо. Водители, мужчины, возвращающиеся после тяжелого трудового дня, оглядывали меня, когда проходили мимо. Я надеялся, что выгляжу как человек, ждущий подругу, а не детектив, наблюдающий за женой клиента.

Девушка в обтягивающих кожаных брюках и свитере прошла мимо моего автомобиля. Впереди нее несли пудель, с энтузиазмом останавливаясь у деревьев. Девушка поглядела на меня, в то время как я позволил себе осмотреть ее формы. Вероятно, я показался ей менее интересным, чем она мне.

К девяти часам стемнело. Я достал бумажный пакет и съел сэндвичи. Сделал глоток виски из бутылки, лежавшей в бардачке.

Это было длинное, томительное ожидание. Двойные ворота дома номер 33 так ни разу и не открылись. Но теперь было достаточно темно, и я мог взять инициативу в свои руки. Я оставил автомобиль и перешел дорогу. Открыл одну створку ворот и заглянул в небольшой опрятный сад. Я сумел различить лужайку, цветы и дорожку, которая вела к компактному коттеджу с верандой.

Свет в окнах не горел. Я пришел к выводу, что в доме никого нет. Чтобы убедиться в этом, обошел его вокруг, но и там в окнах было темно.

Я вернулся к автомобилю, чувствуя досаду. Оказывается, когда муж уехал в аэропорт, миссис Хардвик покинула дом.

Мне оставалось только одно: сидеть в машине и ждать, что она возвратится где-то в ночи. Проклятые триста долларов не давали покоя моей совести, и я устроился поудобнее. Около трех часов утра я заснул.

Первые лучи солнца, ударившие в ветровое стекло автомобиля, заставили меня резко проснуться. У меня болела шея, ломило спину, и, кроме того, я чувствовал себя виноватым, проспав целых три часа, вместо того чтобы отрабатывать свои деньги.

На дорогу выехал молочный фургон. Я наблюдал за тем, как молочник с проволочной корзиной в руках оставлял бутыль молока у каждого дома. Но дом номер 33 он пропустил.

Как только он приблизился ко мне, я решил поговорить с ним. Это был пожилой человек, на лице которого отразились все тяготы жизни и труда. Он посмотрел на меня вопросительно, замерев на месте с корзиной в руках.

– Вы забыли тридцать третий дом, – сказал я. – Всем доставили молоко, кроме них.

Он с любопытством посмотрел на меня своими старыми глазами.

– Их нет, – сказал он. – А вам-то что, мистер?

С таким запросто не поболтаешь. Не хватало только, чтобы он вызвал копов, поэтому я вынул свою визитную карточку и вручил ему. Он тщательно ее изучил, затем, присвистнув, возвратил мне.

– Вы не обслуживаете тридцать третий дом? – спросил я.

– Да, их нет уж целый месяц.

– Кого это – их?

Он чуть подумал:

– Мистера и миссис Майерс.

– Я знаю, что теперь здесь живут супруги Хардвик.

Он поставил корзину и сдвинул шляпу на затылок.

– Сейчас тут никто не живет, мистер, – сказал он, почесывая лоб. – Я знал бы, если бы там кто-нибудь жил. Людям требуется молоко, а я сюда его доставляю. И я не привез молоко в тридцать третий дом, потому что там уже целый месяц никто не живет.

– Вижу, – сказал я. – А не мог мистер Майерс сдать свое жилье кому-то другому?

– Я обслуживаю мистера Майерса уже восемь лет, – ответил он мне. – Он никогда никому не сдавал дом. В этом месяце он всегда уезжает в отпуск.

Он поднял корзину. Я видел, что надоел ему и что он собирается продолжать свою полезную работу.

– Вы не знаете человека по имени Джон Хардвик? – спросил я без особой надежды.

– Такого здесь нет, – сказал он. – Я знал бы. Я всех здесь знаю. – И, кивнув, он пошел к своему грузовику.

В моей голове мелькнул вопрос: не ошибся ли я адресом? Но я знал, что не ошибся. Хардвик не только назвал его мне, но еще и написал на карточке.

Тогда зачем платить мне триста долларов? Чтобы я следил

за пустым домом? Молочник, конечно, мог ошибаться, но я так не думал.

Я опять пошел к дому номер 33 и открыл одну из створок ворот.

Светило раннее утреннее солнце, и я не должен был уезжать, не проверив, что коттедж пуст. Деревянные ставни закрывали окна, я ничего не увидел. Дом выглядел покинутым.

Тут у меня возникло жуткое подозрение. Что, если этот таинственный Джон Хардвик по причинам, известным только ему, захотел избавиться от меня и потому послал в погоню за несуществующим? Я не мог поверить, что человек в здравом уме потратил триста долларов, лишь бы избавиться от меня на двенадцать часов. Неужели я был такой важной персоной? Я не находил покоя. Мне вдруг захотелось срочно вернуться в офис, побриться, принять душ и выпить кофе, достаточно крепкого, чтобы прийти в себя.

Я поторопился назад к автомобилю. В этот утренний час не было никаких пробок, я мчался по горной дороге и вскоре достиг своего бизнес-центра. Уличные часы пробили семь. Оставив автомобиль, я вошел в вестибюль. Опираясь на швабру, стоял швейцар, тяжело дыша и усмехаясь чему-то про себя. Он встретил меня унылым, каменным взглядом, а затем отвернулся. Этот человек ненавидел всех, включая самого себя.

Поднявшись на четвертый этаж, я быстро прошел по коридору к знакомой двери с надписью из облупившихся чер-

ных букв: «Нельсон Райан, частный детектив».

Я вынул ключи, но, подумав, нажал дверную ручку и повернул ее. Дверь оказалась не заперта, хотя я запирал ее на замок, уезжая накануне. Я открыл дверь и осмотрел небольшую прихожую, где были стол с потрепанными журналами, четыре довольно изношенных кожаных стула для отдыха и коврик – для желающих вытереть ноги.

Я увидел, что внутренняя дверь в мой офис приоткрыта. Она также была заперта, когда я уезжал. Предчувствуя неладное, я подошел к двери и широко распахнул ее.

Лицом ко мне на стуле для клиентов сидела красивая китайка, сложив руки на коленях. На ней было серебристо-зеленое платье-чеонгсам, с разрезами по обеим сторонам, демонстрирующими прекрасные ноги. Она выглядела безмятежной и даже не удивленной. По маленькому кровавому пятнышку над левой грудью я понял, что она убита быстро и умело – так быстро, что не успела испугаться. Кто бы ни стрелял, он хорошо выполнил свою работу. Я вошел в комнату, как входят в воду, и коснулся холодного лица китайки: она была мертва несколько часов.

Глубоко вздохнув, я подошел к телефону и вызвал полицию.

2

Ожидая прибытия полицейских, я внимательнее присмот-

релся к своей теперь уже мертвой азиатской посетительнице. На вид ей было года двадцать три – двадцать четыре. О ее финансовой состоятельности говорили дорогая одежда, нейлоновые чулки и совершенно новая обувь. Ее ногти и прическа были безупречными. Как ее звали, я не мог узнать: сумочки при китаянке не было. Я предположил, что убийца забрал ее. Такая женщина не вышла бы без сумочки. Не имея возможности узнать об убитой еще что-нибудь, я вышел в прихожую и стал ждать прибытие полицейских. Ожидание продлилось недолго. Через десять минут после моего звонка они буквально слетелись как мухи на мед.

Последним прибыл детектив лейтенант Дэн Ретник. Я хорошо узнал его за последние четыре года. Щегольски одетый коротышка с лисьими чертами лица, Ретник сделал успешную карьеру в полиции благодаря удачной женитьбе на сестре мэра. Как полицейский он был столь же полезен, как пятое колесо в телеге. К счастью для него, в Пасадене не произошло ни одного серьезного преступления со времени его назначения. Раньше он занимал должность дежурного в небольшом отделении на побережье. Смерть китаянки стала первым делом об убийстве с тех пор, как он был произведен в лейтенанты. И еще я скажу, что у него не хватило бы мозгов даже на детский кроссворд. Однако он ворвался ко мне в контору с видом сурового полицейского и в сопровождении сержанта Пульского, сметающего все на своем пути. Пульский, огромный мужик с красным мясистым лицом и наглы-

ми глазками, жаждущий дать кому-нибудь в челюсть своими кулачищами, был такой же болван, как и Ретник, но недостаток в умственных способностях он компенсировал силой. Ни один из них не взглянул на меня. Они вошли в помещение и долго пилились на мертвую. Потом Пульский начал осматривать место происшествия, а Ретник присоединился ко мне в прихожей. Вид у него был немного взволнованный, но уверенный.

– Ну, сыщик, как было дело? – спросил он, усевшись на стол и покачивая безукоризненно отполированным ботинком. – Это твоя клиентка?

– Я не знаю, кто она и что она здесь делает, – ответил я. – Я нашел ее здесь, вернувшись утром.

Он пожевал потухшую сигару, пристально глядя на меня, как и положено суровому полицейскому.

– Ты всегда открываешься так рано?

Я поведал ему свою историю, ничего не скрывая. Он слушал. Пульский, закончив осмотр комнаты, прислонился к дверному косяку и тоже слушал.

– Как только я узнал, что дом был пуст, я сразу же вернулся сюда, – завершил я. – Я предполагал, что здесь что-то не так, но такого не ожидал.

– Где ее сумочка? – спросил Ретник.

– Я не знаю. Пока я ждал полицию, я ее не смог отыскать. Возможно, ее забрал убийца.

Он почесал щеку, вынул потухшую сигару изо рта, по-

смотрел на нее, затем снова сунул в рот.

– Что было в сумочке, сыщик? Это ведь ты убил ее? – спросил он наконец.

Ничего другого от Ретника я и не ожидал. Я знал, когда звонил в полицию, что окажусь подозреваемым номер один.

– Даже если бы у нее был бриллиант Кохинор, я не стал бы убивать ее здесь, – терпеливо сказал я. – Я выследил бы, где она живет, и убил бы ее там.

– Как ты объяснишь, что она делала здесь и как вошла, если ты запер дверь?

– Я могу только предположить...

Глаза Ретника сузились, и он склонил голову набок:

– Давай предполагаай.

– Я думаю, у этой женщины было дело ко мне. Парень, назвавший себя Джоном Хардвиком, не хотел, чтобы она говорила со мной. Я не знаю почему и не знаю, о чем она хотела поговорить со мной, – я только предполагаю. И мое предположение такое: Хардвик придумал для меня задание, чтобы я отсутствовал в офисе, когда она придет. По-видимому, он ее ждал здесь. Замки у меня простые. Он не испытал трудностей, открывая двери. Вероятно, он сидел за моим столом, когда она вошла. Она не выглядит испуганной, и это наводит на мысль, что она приняла сидевшего за столом человека за меня. После того как она все ему рассказала, он застрелил ее. Это был выстрел опытного человека. У нее не было времени, чтобы испугаться.

Ретник посмотрел на Пульского:

– Если за ним не присматривать, этот сыщик отобьет у нас работу.

Пульский поковырял в зубах и сплюнул на мой ковер. Он ничего не ответил: пусть разговаривают другие. Он был профессиональным слушателем.

Ретник призадумался. Этот процесс явно досаждал ему. Наконец он произнес:

– Скажу тебе, что твои предположения не выдерживают критики, умник. Этот парень звонил тебе из аэропорта, а это всего в двух милях отсюда. Если ты покинул контору якобы сразу после шести, то у него не было времени, при интенсивности движения на трассе, попасть сюда раньше половины седьмого. Любой человек, и даже эта узкоглазая, знает, что в такое время рабочий день уже заканчивается: она сильно рисковала просто не застать тебя на месте. Она позвонила бы сначала.

– А почему ты думаешь, что она не звонила? Может, Хардвик ответил ей от моего имени, чтобы она приезжала и что он будет ждать ее.

По изменившемуся выражению его лица я понял, что он обдумывает мою версию.

Врач и два санитара с носилками появились в дверном проеме.

Пульский неохотно оторвался от дверного косяка и пошел в комнату за врачом, маленьким суетливым человеком с ли-

монно-кислым лицом. Ретник поправил жемчужную заколку галстука.

– Ее имя будет нетрудно установить, – сказал он, будто разговаривая сам с собой. – Такая симпатичная китаянка привлекает внимание. Когда, ты говорил, этот Хардвик собирался с тобой встретиться?

– Послезавтра, в пятницу.

– Думаешь, он появится?

– Возможно.

Он кивнул.

– Да. – Он взглянул на часы, потом зевнул. – Ты выглядишь отвратительно. Может, выпьешь чашку кофе? Только не уходи далеко и не болтай. Через полчаса я с тобой поговорю.

Я не сомневался, что он просто хотел от меня избавиться.

– Я выпил бы кофе, – сказал я. – Но еще я съездил бы домой и принял душ.

– Кого волнует, как ты пахнешь? – ответил он. – Выпей кофе где-нибудь неподалеку.

Я спустился в лифте на первый этаж. Хотя было еще двадцать минут восьмого, на улице уже собралась небольшая толпа зевак, глазевших на припаркованные перед зданием «скорую помощь» и четыре патрульные машины. Продвигаясь к снэк-бару, я слышал за собой тяжелые шаги. Оглядываться не имело смысла: я знал, что буду пить кофе под полицейским надзором.

Я вошел в бар и уселся на табурет. Спарроу, наблюдавший за «скорой», с трудом оторвался от окна и с надеждой посмотрел на меня.

– Что вам приготовить, мистер Райан? – спросил он, тяжело дыша.

– Кофе, крепкий и черный, и живо, – ответил я, – потом яичницу-глазунью из двух яиц с ветчиной.

Толстяк в штатском, который следовал за мной, не зашел в бар. Он стоял снаружи, наблюдая за мной.

Сдерживая нетерпение, отчего у него намокла рубаха под мышками, Спарроу протянул мне кофе и начал готовить яичницу с ветчиной.

– Кто-то умер, мистер Райан? – спросил он, разбивая яйца на горячую сковородку.

– В какое время ты закрываешь вечером бар? – спросил я, поглядывая на копа, который хмуро пялился на меня через окно.

– Ровно в десять, – ответил Спарроу, танцуя от нетерпения джигу. – А что там случилось?

– Китайка убита. – Я отхлебнул кофе, он был горячим и крепким. – Я обнаружил ее в своем офисе полчаса назад.

Его кадык так и заплясал.

– Без шуток, мистер Райан?

– Истинная правда. – Я допил кофе и пододвинул чашку к нему. – Еще.

– Китайка?

– Да. Не задавай вопросов. Я знаю столько же, сколько и ты. Ты видел, как китайка входила в бизнес-центр, после того как я уехал?

Он покачал головой, наполняя мне чашку:

– Нет. Думаю, что увидел бы ее, если бы она вошла прежде, чем я закончил. Вчера вечером работы было немного.

Меня прошиб пот. У меня было алиби до половины девятого: в это время меня видела девушка с пуделем. Я подумал, что китайка пришла в мой офис тогда же. После половины девятого я мог сказать только, что сидел всю ночь возле пустого коттеджа Джека С. Майерса-младшего.

– Ты видел какого-нибудь незнакомца, входящего туда после того, как я уехал, и до закрытия твоего бара?

– Не могу сказать. Приблизительно в девять швейцар, как обычно, запер двери. – Он подал мне яичницу. – А кто ее убил?

– Не знаю.

Тут я потерял аппетит. Дела были плохи. Я знал Ретника. Он хватался за любую соломинку. Если у меня не будет неопровержимого алиби, которое убедит даже слабоумного ребенка, то мне конец.

– Быть может, ты проглядел ее?

– Думаю, нет. Но я не все время смотрел в окно.

Вошли двое мужчин и заказали завтрак. Они спросили у Спарроу, что там случилось. Посмотрев на меня, бармен

сказал, что не знает. Один из них, толстяк в куртке «Брандо», сказал:

– Кого-то пристукнули. Там стоит «скорая».

Я отодвинул тарелку: еда не лезла в горло. Допил кофе и слез с табурета.

Несчастный Спарроу вылупился на меня:

– Что-то не так, мистер Райан?

– Просто я не рассчитал свои силы. Запиши за мной, – сказал я и вышел на улицу.

Большой коп приблизился ко мне.

– Куда вы направляетесь? – осведомился он.

– Назад, в офис, – отвечал я. – А что такое?

– Когда лейтенант вас вызовет, я скажу. Пойдите посидите в одной из наших машин.

Я сел в одну из патрульных машин. Теперь сорок с лишним зевак переключились со «скорой» на меня. Я закурил и постарался не обращать на них внимания.

Я сидел, курил, размышляя над событиями прошлого и настоящего, но не позволяя себе заглянуть в будущее. Чем больше я обдумывал свое положение, тем меньше оно мне нравилось. У меня было чувство, что я в ловушке.

Спустя примерно час вышли два санитары с носилками. Китайка под простыней казалась совсем маленькой. Толпа, как обычно в таких случаях, зашумела. Санитары загрузили носилки в «скорую» и уехали. Несколько минут спустя появился врач, он сел в свой автомобиль и двинулся за «ско-

рой». Наконец появились парни из убойного отдела. Один из них дал знак отвечавшему за меня большому копу. Потом они расселись по машинам и тоже уехали. А большой коп открыл дверцу патрульной машины, в которой я находился, и ткнул в меня большим пальцем.

– Пошевеливайся. Лейтенант хочет тебя видеть, – сказал он.

В это время Джей Уэйд, мой сосед-химик, выходил из своего автомобиля. Он присоединился ко мне в лифте.

Он был года на три-четыре моложе меня, спортивного телосложения, с загорелым лицом и внимательными глазами. Время от времени мы встречались, когда заканчивали рабочий день, закрывали наши офисы и спускались на лифте к выходу. Джей казался обычным человеком. Как и Спарроу, он проявлял интерес к моему образу жизни. Я предполагаю, что большинство добропорядочных людей не может противиться романтическому очарованию жизни частного детектива. Он часто спрашивал, что я расследую, и за короткое время, пока мы вместе ехали в лифте или шли к нашим автомобилям, я вешал ему на уши ту же лапшу, что и Спарроу.

– Что тут случилось? – спросил он, когда лифт начал медленно подниматься на четвертый этаж.

– Я обнаружил этим утром в своем офисе мертвую китаянку, – отвечал я. – Полицейские в восторге от этого.

Он уставился на меня:

– Мертвую?

– Кто-то застрелил ее.

Эта информация, казалось, застряла в его ушах.

– Ты хочешь сказать, что она была убита?

– Да, именно так это и называется.

– Ладно! Ради бога!

– То же сказал и я, увидев ее.

– А кто ее убил?

– А вот этого я не знаю. Когда ты вчера покинул свой офис? Ты еще оставался, когда я уехал.

– Я ушел приблизительно в девять. Швейцар запирал двери.

– Ты не слышал выстрела?

– Господи... нет!

– Когда ты уезжал, был ли свет в моем офисе, не заметил?

– Не было. Я слышал, что вы ушли примерно в шесть.

– Верно.

Теперь мне стало страшно. Должно быть, эта китайская девушка была убита после девяти. Мое алиби было ни к черту.

Лифт остановился на четвертом этаже. Мы вышли. В дверях моего офиса стояли швейцар и сержант Пульский. Швейцар смотрел на меня так, будто я был двухголовым чудовищем. Они вошли в лифт и скрылись с глаз долой.

– Ну, я полагаю, ты теперь будешь занят, – сказал Уэйд, глядя на копа у моей двери. – Если я могу чем-нибудь помочь...

– Спасибо, – ответил я. – Я дам знать.

Оставив его, я прошел мимо копа к себе. Прихожая была совершенно пустой, если не считать обгоревших спичек на полу и окурков где угодно, только не в пепельницах. Я вошел в офис.

Лейтенант Ретник сидел за моим столом. Он окинул меня обычным коповским взглядом и затем кивнул на клиентский стул, где было пятно крови. Мне не хотелось садиться на него, и я устроился на подлокотнике.

– У тебя есть разрешение на ношение оружия? – спросил он.

– Да.

– Какое оружие?

– Револьвер тридцать восьмого калибра, специальный полицейский.

Он протянул руку ладонью вверх:

– Давай.

– Он лежит в правом ящике стола.

Ретник долго смотрел на меня, затем убрал руку.

– Его там нет. Я уже осмотрел твой стол.

Я боролся с искушением вытереть струйку холодного пота, который начал бежать по спине.

– Он должен лежать там.

Он вынул сигару, открыв футляр из свиной кожи, снял обертку, ткнул в сигару концом спички и прикурил. Все время он не спускал с меня твердого взгляда.

– Ее застрелили из тридцать восьмого, – сказал он. – Врач говорит, что она умерла около трех часов ночи. Слушай, Райан, почему бы тебе не признаться? И что же было в сумочке у этой узкоглазой?

С усилием сдерживаясь, я произнес:

– Может быть, я и кажусь тебе тупым и ни на что не годным сыщиком, но не считаешь же ты, будто я настолько глуп, чтобы убить клиента в своем же офисе собственным оружием, даже если бы у нее при себе было все золото Форт-Нокса?

Он снова затянулся сигарой и выпустил в меня струю дыма.

– Не знаю, но ты мог бы. А вдруг ты пытаешься играть в умника и сочинил для себя железное алиби, – сказал он не очень уверенно.

– Если бы ее убил я, то и знал бы время ее смерти. Тогда я подготовил бы алиби не на восемь тридцать, а раньше – на три часа.

Он повернулся в моем кресле, и этот скрип подействовал мне на нервы.

– Что она делала в твоём офисе в три часа ночи?

– Хочешь услышать предположение?

– Смотри, Райан, у нас не было убийств в этом городе уже пять лет. У меня должна быть какая-то история, чтобы скормить ее прессе. Любые твои идеи я выслушаю. Помоги мне – и я помогу тебе. Я имею основания арестовать тебя и бросить за решетку: улики против тебя, но я даю тебе шанс доказать,

что я не прав. Так что давай свои предположения.

– Допустим, она из Фриско¹. И ей срочно понадобилось поговорить со мной. Не спрашивай, почему именно со мной или почему она не могла поговорить с частным детективом во Фриско: предположим, что так оно и было. Предположим, она собралась лететь самолетом и решилась на это в семь вечера. Она понимала, что, пока долетит, рабочий день закончится, и поэтому позвонила. Хардвик, избавившись от меня, ждал здесь, чтобы ответить на звонок. Она сказала ему, что летит сюда и появится здесь около трех часов. Он ответил, что будет ждать. В аэропорту она взяла такси и приехала сюда. Хардвик выслушал ее, а затем застрелил.

– Используя твой револьвер?

– Используя мой револьвер.

– Вход в это здание запирается в девять. Замок не взломан. Как же Хардвик и узкоглазая сюда вошли?

– Хардвик, вероятно, прибыл, как только я уехал, – прежде, чем швейцар закрыл двери. Он знал, что я уже в пути, и спокойно мог сидеть здесь и ждать телефонного звонка. Когда она приехала, он сошел вниз и впустил ее. Там американский замок, и нет никакой проблемы открыть его изнутри.

– Тебе бы писать сценарии для фильмов, – сказал он неприязненно. – И все это ты собираешься наболтать жюри присяжных?

¹ Сан-Франциско.

– Можно проверить. Ее должны были видеть в аэропорту. Таксисты ее запомнили бы.

– Даже если ее кто-то опознает, как ты говоришь, кто может поручиться, что это не ты ответил на телефонный звонок, а какой-то Хардвик?

– Он не какой-то. Если ты свяжешься со службой быстрой доставки, то узнаешь, что он послал мне триста долларов. Ты также можешь проверить, что я был рядом с домом номер тридцать три на бульваре Коннаут с семи тридцати вечера до девяти утра. После этого, хотя я и был там, проехал только один автомобиль около двух часов, но я не знаю, видел ли водитель меня. В шесть, молочник скажет вам, я был все еще там.

– И все же меня интересует, где ты был между часом и четырьмя часами ночи.

– Я был рядом с домом номер тридцать три на бульваре Коннаут.

Он пожал плечами:

– Для порядка покажи, что у тебя в карманах.

Я вывернул карманы, сложив содержимое на столе. Он посмотрел без интереса.

– Если бы я что-то у нее украл, – сказал я, – то не стал бы носить это в карманах.

Он поднялся:

– Не уезжай из города. Какой-нибудь мелочи будет достаточно, чтобы запереть тебя в камере как важного свидетеля,

так что смотри в оба.

Он вышел из моего офиса, оставив двери распахнутыми.

Я собрал свои вещи, распихал их по карманам, закрыл дверь, сел за стол и закурил. Прямо сейчас у них не было против меня решающих улик, но многое зависело от того, что они найдут в ближайшее время. Хотя у Ретника куриные мозги, я понимал, что убийца, подставивший меня, даст Ретнику другую подсказку и она станет решающей уликой. Исчезновение револьвера означало, что убийца стрелял из него, и он его подбросит туда, где Ретник его найдет.

Я встал. Нельзя было терять время. Требовалось что-то срочно предпринять.

Я запер офис и двинулся к лифту. Сквозь стекло в двери Уэйда мелькнул силуэт Ретника. Он говорил с Уэйдом, собирая улики против меня. Я спешно поехал на первый этаж, прошел между двух копов у дверей к своему автомобилю. Сел и захлопнул дверцу.

Я нервничал как дурак. Мне нужно было глотнуть виски. Пить до шести не в моих правилах, но сейчас случай особый. Я потянулся вправо и открыл бардачок. Когда я нащупал бутылку, сердце мое бешено застучало, а во рту пересохло. В бардачке лежали мой полицейский револьвер тридцать восьмого калибра и сумочка из крокодиловой кожи.

Меня охватил озноб. Я точно знал, что сумочка принадлежала китайнке.

За полицейским участком есть большой двор, окруженный стеной высотой в восемь футов. Здесь копы паркуют свои патрульные автомобили, машины для отрядов особого назначения и автомобили для срочного выезда экспертов на место происшествия.

На одной из стен большое объявление: красные буквы на белом фоне гласят, что это стоянка только для полицейских машин.

Я проехал на своем автомобиле через открытые ворота и аккуратно припарковался около патрульной машины. Едва я заглушил двигатель, откуда ни возьмись появился коп. Его багровое ирландское лицо было искажено яростью.

– Эй! В чем дело? Разве ты не умеешь читать? – заорал он так, что его можно было услышать за два квартала.

– Ни в чем, – сказал я, вытаскивая ключ зажигания. – Я умею читать даже длинные слова.

Коп был готов взорваться. Он долго открывал и закрывал рот, пытаясь подобрать крепкие слова для такого случая.

Прежде чем он их произнес, я сказал, улыбаясь через открытое окно моего автомобиля:

– Детектив лейтенант Ретник, шурин мэра, разрешил мне парковаться здесь. Обговори это с ним, если тебе так неприятно, но не жалуйся потом, когда получишь пинок под зад.

Он посмотрел на меня так, словно внезапно проглотил пчелу. Еще пару секунд он испепелял меня взглядом и шевелил губами, а потом удалился.

Возможно, минут двадцать я всматривался в небо, прежде чем во двор въехал автомобиль Ретника и остановился в десяти футах от меня. Ретник вышел и направился к дверям полицейского участка – невзрачной постройке из серого камня.

– Лейтенант... – Я не повышал голос, но он услышал меня.

Ретник оглянулся через плечо. Он был напряжен так, как будто кто-то подталкивал его.

– Что это ты делаешь здесь? – спросил он.

– Ожидаю тебя, – отвечал я.

Он пристально изучал меня.

– Ну, я здесь. Дальше что?

Я вышел из автомобиля.

– Ты обыскал меня, лейтенант, но забыл обыскать мой автомобиль.

Он тяжело задышал через узкие ноздри, с тревогой вглядываясь в меня.

– Почему я должен обыскивать твой автомобиль, сыщик?

– Ты хотел узнать, что узкоглазая, как ты ее называешь, носила в своей сумочке и где револьвер, из которого я будто бы застрелил ее. Ты ничего не нашел ни в моем офисе, ни в моих карманах. Я думаю, что действительно проницательный коп на всякий случай проверил бы и мой автомобиль:

а вдруг я скрыл улики там? И вот я явился к тебе на автомобиле: может, ты захочешь стать таким проницательным полицейским?

Его лицо напряглось от ярости.

– Слушай, ты, сукин сын, – процедил он, – я не веду хитроумных разговоров с дешевым сыщиком. Я поручу это Пульскому! Он оценит блеск твоего остроумия! А то ты стал каким-то слишком бойким!

– Лучше осмотри автомобиль, прежде чем отдать меня своему мяснику, лейтенант. Загляни в бардачок. Это сэкономит тебе время.

Я распахнул дверцу и отошел от автомобиля.

Ретник сунулся в открытый бардачок.

Я наблюдал за его реакцией. Его ярость исчезла. Он не коснулся ни оружия, ни сумочки. На какое-то время он впал в ступор, а затем спросил:

– Это твой револьвер?

– Да.

– И ее сумочка?

– Не моя же.

Он озадаченно посмотрел на меня:

– Что за черт? Ты готов сознаться в убийстве?

– Я открыл карты, которые мне выпали, – сказал я. – Больше я ничего сделать не могу. Тебе принимать решение.

Он крикнул копа, стерегущего ворота. Когда тот подошел, Ретник велел ему быстро найти Пульского.

Пока мы его ждали, Ретник снова посмотрел на оружие и сумочку, не притрагиваясь к ним.

– По-моему, у тебя теперь просто нет шансов, сыщик, – сказал он. – Тебе точно конец.

– У меня не осталось бы шансов, если бы я не приехал сюда, чтобы показать тебе улики, – ответил я. – Но так как я приехал, шансы у меня есть.

– Ты всегда закрываешь свой автомобиль? – спросил он, уставившись на меня и начав наконец шевелить мозгами.

– Да, но в ящике стола, где лежал револьвер, был дубликат ключей. Я не посмотрел, но держу пари – их там нет.

Ретник почесал щеку:

– Верно. Когда я искал оружие, то не нашел ключей.

Пульский пробежал через двор.

– Займись этим автомобилем, – велел ему Ретник. – Проверь все. Осторожнее обращай с револьвером и сумочкой. Лучше дай посмотреть их Лэйси. Пойдем, – кивнул он мне.

И мы прошли через двор, поднялись по трем ступенькам, потом попали в слабо освещенный коридор с белым кафелем и характерным для всех коповских помещений запахом.

Миновав коридор, потом лестницу, потом еще один коридор, мы наконец оказались в помещении размером с курятник. Там были стол, два стула, шкаф для хранения документов и окно. Интерьер здесь напоминал сиротский приют – так же уютно и комфортно.

Ретник указал мне на жесткий стул, сам же пробрался за

стол.

– Это твой кабинет? – спросил я с интересом. – Я думал, что тебе, как шурина мэра, выделяют что-то получше.

– Не переживай за меня, лучше подумай о себе, – ответил Ретник. – Если китаянка была убита из этого револьвера и если это ее сумочка, тебе не позавидуешь.

– Ты так думаешь? – спросил я, пытаюсь устроиться поудобнее на жестком стуле. – Видишь ли, минут десять, а возможно и дольше, я боролся с искушением выбросить револьвер и сумочку в море. И если бы я выбросил их, лейтенант, ни ты, ни все умники, что заботятся о правосудии в этом городе, не смогли бы ничего узнать. Но я решил дать вам шанс.

– Что ты хочешь сказать?

– Я не выбросил их, потому что они были явно подброшены в мой автомобиль. Все это завершает интригу. Если бы я выбросил их, ты уже не смог бы распутать дело.

Он склонил голову набок – все, на что он был способен.

– Итак, у меня есть оружие и сумочка. Но почему ты думаешь, что я распутаю это чертово дело?

– Потому что ты не будешь заикливаться на мне, а начнешь искать убийцу, и этого-то он совсем не хочет.

Ретник долго размышлял, потом вынул портсигар и предложил мне закурить. Это был первый дружественный жест с его стороны за пять лет нашего знакомства. Я взял сигару, желая тем самым показать, что оценил его жест, хотя я совсем не любитель сигар.

Мы закурили, выпуская друг на друга клубы дыма.

– Хорошо, Райан, – сказал он. – Я верю тебе. Я мог бы доказать, что ее убил ты, но это не продвинет расследование. Я избавился бы от адской проблемы и сэкономил бы время, поверив в это, но не могу. Сыщик ты так себе, но не дурак. О'кей, ты купил меня. Я снимаю подозрения.

Я расслабился.

– Но не рассчитывай на меня, – продолжал он. – Придется убедить в этом прокурора. Он нетерпеливый ублюдок. Как только он узнает, что ты на подозрении, он может завести дело. Зачем ему ждать, пока все выяснится?

Мне было нечего на это сказать, и я промолчал.

Он посмотрел в окно на дом напротив, на плохо постиранное белье, развешенное на веревках, и детские коляски на балконах.

– Я должен разобраться в этом деле, прежде чем приму решение, – сказал он наконец. – Я могу зарегистрировать тебя как важного свидетеля или как добровольного помощника. Как лучше?

– Как добровольного помощника, – ответил я.

Он поднял трубку телефона и вызвал копа.

После паузы дверь отворилась, и вошел молодой человек в штатском. Я видел, что полицейская работа еще не испортила его. Он смотрел на Ретника, как дрессированная собака, готовая броситься выполнять указания.

С выражением отвращения, словно я был худшим из ни-

щих, Ретник показал на меня:

– Это Нельсон Райан, частный детектив. Развлеки его, пока я его не позову. – Он посмотрел на меня. – Это Паттерсон, он только начал служить: не отбивай у него охоту к работе.

Я пошел с Паттерсоном по коридору в другую комнатку, которая пахла несвежим потом, страхом и дезинфекцией. Я сел у окна, Паттерсон же, выглядевший озадаченным, – на край стола.

– Расслабься, – сказал я. – Мы, вероятно, пробудем здесь немало часов. Твой босс пытается доказать, что я убил китаянку, но не может.

Он уставился на меня.

Пытаясь выглядеть спокойным, я предложил ему огрызок сигары, подаренной мне Ретником:

– Это музейный экспонат. Хочешь иметь его в своей коллекции? Это от Ретника. У вас есть музей?

Его молодое подвижное лицо окаменело. Он очень старался выглядеть копом.

– Послушайте, позвольте мне сказать кое-что. Нам не нравится...

– Да-да-да, – сказал я и махнул рукой, прерывая его. – Я слышал не раз. Ретник формулирует это лучше. Я пылию на дороге. Я стою на вашем пути. Я беспокою ваших парней. Ладно, ну и что? Я зарабатываю на жизнь, как и вы. Разве я не могу немного подурочить вас или вы такие обидчивые?

Я усмехнулся. Поколебавшись немного, он расслабился и

усмехнулся в ответ. С тех пор мы поладили.

На ланч коп принес нам пирог с мясом и бобы, которые мы съели. Паттерсону, видимо, пирог понравился, но он был молод и голоден. Я же, почтившись, отослал большую часть обратно. После так называемого обеда коп вынул колоду карт, и мы сыграли в джин-рамми на спички. Выиграв целую коробку, я объяснил, как надувал его. Это потрясло Паттерсона, но я предложил научить его этому фокусу, и коп оказался весьма прилежным учеником.

Около восьми часов нам снова принесли мясного пирога и бобов. Мы съели это, чтобы хоть как-то разнообразить свое пребывание здесь. Затем опять сыграли в джин-рамми, и Паттерсон так хорошо мошенничал, что отыграл свой коробок спичек. Около полуночи зазвонил телефон. Коп выслушал, затем ответил: «Да, сэр» – и повесил трубку.

– Лейтенант Ретник готов с вами встретиться, – сказал он, поднявшись.

Мы оба чувствовали себя как пассажиры поезда, когда тот наконец подъезжает к станции и можно прекратить досужие разговоры.

Мы прошли по коридору в кабинет Ретника. Тот сидел за столом. Он выглядел усталым и взволнованным. Он указал мне на стул и отослал Паттерсона. Я сел.

Мы смотрели друг на друга. Наступила долгая пауза.

– Ты удачливый парень, Райан, – сказал он. – Ладно, пусть я не думал, что ты ее убил, но я был, черт побери, уверен,

что прокурор именно так и будет думать, если я передам тебя ему. Теперь я действительно смогу убедить его, что ты не делал этого. Считай себя удачливым сукиным сыном.

Я провел в этом здании пятнадцать часов. За это время я не раз задавался вопросом, правильно ли разыграл свои карты. Иногда я был близок к панике, но теперь, выслушав Ретника, расслабился и глубоко вздохнул:

– Значит, я удачливый.

– Да.

Он потянулся за сигарой. Затем спохватился, потому что все еще держал во рту потухший окурок, вынул его и, усмехнувшись, выбросил в мусорную корзину.

– В этом деле были задействованы фактически все наши силы. Нам потребовалось четырнадцать часов, чтобы найти свидетеля, который видел тебя в два тридцать этим утром на бульваре Коннаут. Свидетель, оказывается, адвокат и ненавидит мерзавца-прокурора. С ним была и его жена. В любом случае это ценное для тебя свидетельство. В общем, ладно, ты не убивал китайнку.

– И ты знаешь, кто действительно убил ее?

Он предложил мне сигару, на сей раз я уже мог позволить себе отказаться. Спрятав портсигар в карман, он сказал:

– Рано еще говорить. Кем бы он ни был, сработано чисто. Никаких зацепок, пока что ничего.

– А вы проббили китайнку?

– Конечно, это было не трудно. В сумочке находилось

только обычное бабское барахло, но в аэропорту китайянку запомнили. Она приехала из Гонконга. Ее имя – Чжоян Джефферсон. Веришь или нет, она невестка Джона Уилбера Джефферсона, нефтяного миллионера. Она вышла замуж за его сына, Хермана Джефферсона, в Гонконге около года тому назад. Он недавно погиб в автомобильной катастрофе, и китайянка привезла его тело.

– Зачем? – спросил я, уставившись на него.

– Старик Джефферсон хотел похоронить своего сына в семейном склепе. Он оплатил дорогу жене своего сына, чтобы она доставила тело.

– А что с телом?

– В семь часов утра, согласно инструкциям, в аэропорту его принял гробовщик. Сейчас гроб с телом находится в похоронном бюро.

– Ты проверил это?

Он зевнул, показав половину своего зубного протеза.

– Послушай, сыщик, не учи меня жить. Я видел гроб и посмотрел бумаги: все в порядке. Она вылетела из Гонконга, прибыла сюда в час тридцать ночи. Взяла такси из аэропорта до твоего бизнес-центра. Мне не дает покоя только одно: почему она приехала немедленно повидаться с тобой и как убийца узнал об этом? Чего она хотела от тебя?

– Да. И еще: если она из Гонконга, как она узнала о моем существовании? – спросил я.

– Твое предположение, будто она позвонила тебе около

семи договориться о встрече, когда ты уже покинул контору, не прокатывает. В это время она была в воздухе. Если бы она написала, ты знал бы об этом.

На мгновение я задумался.

– Что, если Хардвик встретил ее в аэропорту. Он позвонил мне из аэропорта в шесть. Возможно, он дождался ее прибытия и назвался моим именем. А потом, пока она сдавала гроб властям, он приехал сюда и вскрыл замок на внешней двери – его не слишком трудно вскрыть. И затем ожидал ее.

Ретнику, казалось, эта идея не очень нравилась. Мне тоже.

– Но что, черт возьми, она хотела от тебя? – спросил он.

– Если бы я знал, мы не задавали бы друг другу эти вопросы. А что с ее багажом? Тебе известно, где он?

– Да. Уезжая из аэропорта, она оставила его в камере хранения: один маленький чемодан; ничего, кроме смены белья, маленького Будды и нескольких китайских курительных палочек. Она путешествовала налегке.

– Ты уже поговорил со стариком Джефферсоном?

Ретник поморщился:

– Да, поговорил. Он вел себя так, будто ненавидит меня всем нутром. И думаю, вот почему: быть членом состоятельной семьи – это ад. Мой шурин и Джефферсон – одного поля ягоды, и я добровольно надел себе на шею удавку.

– Но у всего этого есть ведь и хорошие стороны, – сказал я. Он поправил жемчужную булавку в галстук:

– Иногда. Так или иначе, старый козел разошелся. Он тре-

бывал, чтобы я поймал человека, который убил его невестку, иначе у меня будут проблемы. – Ретник погладил переносицу. – Он влиятельный человек в этом городе. Старик действительно может создать мне проблемы.

– Он готов помочь?

– Нет, конечно.

– А что посыльный из службы доставки, который принес мне триста долларов? Может, он видел убийцу?

– Слушай, сыщик, ты не столь великолепен, как думаешь. Я проверил его – ничего. Но вот что интересно: конверт с бабками был отдан в службу доставки в четыре часа. Их офис, как ты знаешь, находится через дорогу от твоего. Ни один из тупых клерков не смог вспомнить, кто вручал его, но следовало доставить его тебе тем же вечером ровно в шесть пятнадцать.

– Ты проверил, Хардвик работает в корпорации «Эррон»?

– Да. Я проверил все чертовы детали. Он у них не работает.

Он зевнул, потянулся, затем встал.

– Я ложусь спать. Возможно, завтра найдется еще что-нибудь. На сегодня с меня хватит.

Я тоже поднялся:

– Она была застрелена из моего револьвера?

– Да. И никаких отпечатков; в автомобиле тоже. Он аккуратен, но он сделает ошибку... они всегда их делают...

– Некоторые...

Он сонно посмотрел на меня:

– Я помог тебе, Райан, теперь ты помоги мне. Выкладывай все свои идеи. Я сейчас нуждаюсь в них.

Я сказал, что уж как-нибудь не забуду его. Спустился к автомобилю и быстро отправился к себе спать.

4

На следующее утро я добрался до офиса около девяти и обнаружил нескольких репортеров, толпившихся у моей двери. Они хотели знать, где я провел вчерашний вечер. Им не терпелось услышать мою версию убийства, и они были очень разочарованы, когда не смогли меня раскрутить.

Я пригласил их всех в офис и сказал, что провел день в полицейском участке, поэтому знаю об убийстве не больше, чем они, а может, и меньше. Нет, я понятия не имею, почему китаянка приехала в мой офис в такой час и как она прошла в здание. Полчаса репортеры атаковали меня вопросами, но это была пустая трата времени. Наконец, недовольные, они ушли.

Я просмотрел почту и бросил большинство конвертов в мусорную корзину. В том числе письмо от женщины, живущей на Пальма-Маунтин: она хотела, чтобы я отыскал человека, отравившего ее собаку. Но я все-таки отпечатал ей вежливый ответ: мол, слишком занят, чтобы помочь ей.

Раздался стук в дверь. Я пригласил войти.

Это был Джей Уэйд, мой ближайший сосед. Он выглядел немного смущенным и остановился в нескольких шагах от моего стола.

– Не побеспокоил? – спросил он. – Хотя это не мое дело, но меня волнует, знаешь ли ты, кто ее убил?

Его любопытство меня не удивило. Он был одним из тех башковитых умников, которых влечет все, что связано с преступлениями.

– Нет, – ответил я.

– Не думаю, что это поможет, – сказал он извиняющимся тоном, – но я вспомнил, как около семи часов вечера у тебя звонил телефон. Он звонил долго. Это было после того, как ты уехал.

– Мой телефон всегда звонит, – ответил я, – но спасибо. Возможно, это пригодится. Я скажу лейтенанту Ретнику.

Он провел рукой по коротко остриженным волосам.

– Я только подумал... что в расследовании убийства может быть важна каждая мелочь. – Он беспокойно дернулся. – Непонятно, как она вошла к тебе в офис, правда? Полагаю, это трудный вопрос.

– Она вошла в мой офис, потому что убийца ее впустил, – сказал я, – и в этом для меня нет трудности.

– Ладно, хорошо. А они узнали, кто она?

– Чжоян Джефферсон, она из Гонконга.

– Джефферсон? – Он насторожился. – У меня был старый школьный друг по имени Херман Джефферсон, он уехал в

Гонконг.

Я откинулся в кресле так, чтобы положить ноги на стол.

– Сядь, – сказал я. – Расскажи мне о Хермане Джефферсоне. Китайка была его женой.

Это поразило его. Он сел и уставился на меня:

– Жена Хермана? Он женился на китайке?

– Кажется, так оно и было.

– Вот черт, будь я проклят!

Я ждал, наблюдая за ним. Он на мгновение задумался, потом сказал:

– Это не то чтобы шокировало меня. Я знаю, что китайские девушки могут быть привлекательными, но трудно представить, что его отец этому обрадовался бы. – Он нахмурился и покачал головой. – Что она делала здесь?

– Она привезла хоронить тело своего мужа.

Он с трудом воспринимал новости:

– Ты имеешь в виду Хермана?

– На прошлой неделе... автокатастрофа.

Он оцепенел и смотрел так, будто не мог поверить в то, что услышал.

– Херман... мертв! Как жаль, – вымолвил он наконец. – Это будет шоком для его отца.

– Наверное. Ты хорошо его знал?

– Да нет. Мы вместе учились в школе. Он был безалаберным парнем и вечно попадал в истории: дурачился с девчонками, гонял как сумасшедший, но я восхищался им. Ты зна-

ешь, как это у ребят. Я считал его героем. Позже, после колледжа, я изменил свое отношение к нему. Он, казалось, так и не повзрослел. Пил, дебоширил, дрался. Я перестал с ним встречаться. Наконец отец Хермана, намучившись с ним, отправил его на Восток. Это было приблизительно лет пять назад. У его отца есть там интересы. — Джей закинул ногу на ногу. — Значит, он женился на китайке. Это, конечно, удивительно.

— Так бывает, — сказал я.

— Он погиб в автокатастрофе? Ему часто случалось разбивать машины. Кто мог подумать, что он так кончит. — Он смотрел на меня. — Ты знаешь, это чертовски интригует. Почему она была убита?

— Это как раз то, что полиция пытается выяснить.

— Вот в чем проблема, да? Я имею в виду: почему она приехала сюда, чтобы увидеться с тобой? Это действительно загадка, да?

Его энтузиазм мне немного наскучил.

— Да, — ответил я.

Через стену было слышно, как начал звонить телефон. Он поднялся.

— Я забыл о своих делах и впустую трачу твое время, — сказал он. — Если я смогу вспомнить что-то о Хермане, если это поможет, я сообщу.

Я ответил, что буду рад, и с облегчением вздохнул, когда он закрыл за собой дверь.

Погрузившись поглубже в кресло, я размышлял о том, что он мне рассказал. Я все еще сидел так, все еще размышлял, когда двадцать минут спустя телефонный звонок выдернул меня из летаргии. Я снял трубку.

– Говорит секретарь мистера Джона Уилбера Джефферсона, – услышал я чистый и приятный женский голос. – Мистер Райан?

Я сказал, что это так.

– Мистер Джефферсон хотел бы увидеться с вами. Вы могли бы приехать к нему сегодня в три часа?

Это уже любопытно, подумал я, открыл свой ежедневник и посмотрел на его чистые страницы: сегодня в три часа дня я был свободен. Впрочем, я был совершенно свободен в любой день на этой неделе.

– Хорошо, буду, – ответил я.

– Это последний дом у моря на Бич-драйв, – сказала секретарь. – Фасадом к пляжу.

– Я понял.

– Спасибо. – Она повесила трубку.

Я некоторое время держал трубку у уха, в голове все еще звучал ее голос. Мне было интересно, как она выглядит. Ее голос казался молодым, но впечатление могло быть обманчивым. Я повесил трубку.

Утро прошло без инцидентов. Я позавидовал Джею Уэйду, телефон которого, казалось, без конца звонил. Также слышался непрерывный стрекот пишущей машинки. Уэйд

был, очевидно, более востребован, чем я, зато я еще не успел истратить триста долларов таинственного мистера Хардвика и мог некоторое время не думать о хлебе насущном.

Никто ко мне не пришел, и в начале первого я спустился в снэк-бар за привычным сэндвичем. Спарроу был занят, следовательно не мог побеспокоить меня вопросами, хотя по его лицу я видел, как ему хочется узнать новости о расследовании убийства. Я вышел из бара, чувствуя на себе укоризненный взгляд Спарроу, но не сказал ему ни слова.

Затем я отправился на Бич-драйв, в самый фешенебельный район Пасадены. Здесь богачи на пенсии живут рядом с собственными пляжами, вдали от толпы, наводняющей город в летние месяцы.

У ворот особняка я был около трех. Они оказались открытыми, словно дожидались меня, и я проехал по сорокаярдовой дорожке между ухоженными лужайками и клумбами.

Дом был большим, в старомодном стиле. Шесть широких белых ступеней вели к главному входу. У парадной двери из мореного дуба висел на шнурке звонок.

Я потянул шнурок, и буквально через минуту дверь отворилась. Дворецкий, высокий вымуштрованный старик, спокойно глядел на меня, вопросительно подняв бровь.

– Нельсон Райан, – сказал я. – Меня ожидают.

Он посторонился и жестом пригласил войти в темный холл, заполненный тяжелой мебелью. Я последовал за ним по коридору в небольшое помещение с несколькими уют-

ными креслами и столом, на котором лежали глянцевые журналы: все это напоминало приемную дантиста. Дворецкий указал на одно из кресел и вышел.

Я прождал около десяти минут, поглядывая в окно на море, потом дверь открылась, и появилась молодая женщина.

Ей было лет двадцать восемь – тридцать, не более. Темноволосая, приятная, привлекательная, с серо-голубыми глазами, умными и загадочными, хотя и не красавица. Покрой темно-синего платья подчеркивал хорошую фигуру. Но вырез был скромнен, как и длина юбки.

– Сожалею, что заставила вас ждать, мистер Райан, – сказала она и вежливо улыбнулась. – Мистер Джефферсон готов принять вас.

– Вы его секретарь? – спросил я, узнавая ее ясный, тихий голос.

– Да. Меня зовут Джанет Уэст. Я провожу вас.

Я прошел за ней через обитую зеленым сукном дверь в большой старомодный, но уютный зал с книгами на полках и двойными французскими окнами, открывающимися в уединенный, окруженный стеной сад, полный ухоженных розовых кустов.

Джон Уилбер Джефферсон, высокий, худой, аристократичный старик, с большим крючковатым носом, полулежал в кресле-каталке в тени. Цвет его кожи напоминал старую слоновую кость, а цвет волос – белое дутое стекло; тонкие красивые руки были испещрены прожилками. На нем был

белый льняной костюм и белые туфли из оленьей кожи. Он повернул голову и посмотрел на меня, когда я проследовал за Джанет Уэст в сад.

– Мистер Райан, – представила она меня, прежде чем уйти.

– Присаживайтесь, – сказал Джефферсон, указывая на плетеное кресло поблизости. – Мой слух уже не столь хорош, как раньше, поэтому прошу говорить вас громче. Если хотите курить... дымите. Эту привычку я вынужден был преодолеть больше шести лет назад.

Я сел, но курить не стал. Я решил, что ему мог не понравиться запах сигареты. Когда он курил, то явно это были сигары.

– Я навел о вас справки, мистер Райан, – продолжил он после длинной паузы и окинул меня пристальным взглядом. У меня возникло чувство, будто он вывернул мои карманы, исследовал родинку на правом плече и пересчитал деньги в бумажнике. – Мне сказали, что вы честны, надежны и сообщительны.

Я подумал: кто бы мог сказать ему это, но придал лицу скромное выражение и ничего не ответил.

– Я попросил вас прийти сюда, – продолжал Джефферсон, – потому что хотел услышать из первых уст эту историю о человеке, который позвонил вам, и об убитой в вашем офисе китаянке.

Я отметил, что он не назвал ее своей невесткой. А когда он

произнес слово «китайка», его рот безглаголиво скривился и в голосе проскользнуло презрение. Я понимал, что человеку старому и богатому новость о женитьбе единственного сына на азиатке могла быть неприятной.

Я рассказал ему все от начала до конца, не забывая говорить громко.

Когда я закончил, он сказал:

– Спасибо, мистер Райан. Вы не знаете, почему она хотела встретиться с вами?

– Не могу даже высказать предположение.

– Есть ли у вас какая-либо идея начет того, кто убил ее?

– Нет. – Я сделал паузу, потом добавил: – Возможно, человек, назвавший себя Джоном Хардвиком. По крайней мере, он вовлечен в это преступление.

– У меня нет никакого доверия к Ретнику, – сказал Джефферсон. – Он тупой дурак, который не имеет права занимать официальный пост. Мне нужен человек, который поймает убийцу жены моего сына. – Нахмурившись, он оглядел свои испещренные прожилками руки. – К сожалению, мои отношения с сыном нельзя назвать хорошими. Как это бывает, мы оба совершали ошибки, но теперь, когда он мертв, я понимаю, что следовало относиться к нему терпимее. Я думаю, что, не встречая понимания с моей стороны, он становился все более одиноким и опрометчивым в поступках. Женщина, на которой он женился, убита. Мой сын не успокоился бы, пока не нашел ее убийцу. Я уверен в этом. Но мой сын

мертв. Самое меньшее, что я могу сделать, – это найти убийцу его жены. Если я преуспею в этом, то в некоторой степени исполню свой отцовский долг.

Он замолчал и посмотрел на сад. Его старое лицо было серьезным и печальным. Небольшой бриз шевелил его седые волосы. Он выглядел очень старым, но полным решимости. Он повернулся и снова посмотрел на меня.

– Как видите, мистер Райан, я старик. Я угасаю. Я легко устаю. Я не смогу сам выследить убийцу, и именно поэтому я послал за вами. Вы заинтересованная сторона. Эта женщина была найдена в вашем офисе. По каким-то причинам убийца попытался переложить ответственность на вас. Я хорошо вам заплачу. Вы найдете этого человека?

Было бы легко сказать «да», взять его деньги и затем просто ждать в надежде, что Ретник найдет убийцу, но я так не работал. Я понимал, что в одиночку мне убийцу не поймать.

– Расследование находится в руках копов, – сказал я. – Только они могут найти преступника. Дело об убийстве вне компетенции частного детектива. Ретник не церемонится с посторонними, которые оказались на его дороге. Я не могу допрашивать его свидетелей. Он узнает об этом, и я попаду в неприятное положение. Как бы мне ни хотелось получить от вас деньги, мистер Джефферсон, они не принесут мне пользы.

Он не был удивлен и продолжал испытующе смотреть на меня.

– Все это я понимаю, – ответил он. – Ретник – дурак. Он, кажется, понятия не имеет, как взяться за это дело. Я предложил, чтобы он телеграфировал британским властям в Гонконге, – нужно узнать хоть что-то об этой женщине. Нам ничего не известно о ней, кроме того, что она вышла замуж за моего сына и была беженкой из красного Китая. Я знаю это, потому что мой сын писал мне приблизительно год назад, что женился на китайской беженке. – Он снова посмотрел в сад, потом сказал: – По глупости я препятствовал этому браку. Больше я не получал от него известий.

– Думаете, у британской полиции есть информация о китаянке? – спросил я.

Он покачал головой:

– Возможно, но вряд ли. Каждый год более ста тысяч несчастных беженцев прибывают в Гонконг. Они не имеют гражданства и документов. У меня есть много контактов в Гонконге, и я пытаюсь справиться с ситуацией. Насколько я понимаю, беженцы, бегущие из красного Китая, на джонках переправляются в Макао, который, как вам, вероятно, известно, является португальской территорией. В Макао не могут справиться с этим вторжением, да и не желают. Беженцев переправляют на других джонках в Гонконг. Британская полиция патрулирует подходы к Гонконгу, но китайцы терпеливы и умны, когда хотят идти до конца. Обычно джонка с беженцами прячется среди других джонок, и полиции трудно ее отыскать. Я понимаю, что британская полиция сочув-

ствует беженцам: в конце концов, бедолаги бегут от общего врага. Преследование прекращается, как только джонка с беженцами благополучно достигает территориальных вод Гонконга. Полиция считает, что бесчеловечно отсылать беженцев назад, раз уж они забрались так далеко. Но все эти люди анонимны. У них нет никаких бумаг. Британская полиция снабжает их новыми документами, но нет никакого средства проверить хотя бы их имена. С того момента, как прибыли в Гонконг, они начинают новую жизнь, и вероятно, под новыми именами: будто рождаются заново. Жена моего сына была одной из таких беженек. Если мы не узнаем, кем она действительно являлась, каково ее прошлое, я сомневаюсь, сможем ли мы когда-нибудь выяснить, почему она была убита и кто ее убийца. В общем, я хочу, чтобы вы поехали в Гонконг и разузнали что-нибудь о ней. Это будет нелегко, но Ретник и вовсе не может сделать этого, а британская полиция не станет хлопотать. Я думаю, что вы справитесь, и готов финансировать вас. Что вы думаете об этом?

Я был заинтригован, но сомнения оставались: я понимал, что все может обернуться неудачей.

– Я поеду, – сказал я, – но не поручусь за успех. Не могу что-либо обещать, пока не доберусь туда, но думаю, что шанс есть.

– Пойдите и поговорите с моим секретарем. Она покажет вам письма от моего сына, которые могут пригодиться. Приложите все усилия, мистер Райан. – Он махнул рукой, давая

понять, что разговор окончен. – Вы найдете мисс Уэст в третьей комнате по коридору справа.

– Вы понимаете, что я не могу поехать сразу? – сказал я, поднимаясь. – Я должен еще дать показания, получить разрешение Ретника на отъезд.

Он кивнул. Казалось, он очень устал.

– Я прослежу, чтобы Ретник не чинил вам препятствий. Поезжайте, как только сможете.

Я ушел, оставив его глядящим перед собой с каменным выражением: одинокий человек с горькими воспоминаниями, мучающими его совесть.

5

Я нашел Джанет Уэст в большой комнате, обставленной как кабинет. Она сидела за столом перед чековой книжкой и пачкой счетов. Когда я вошел, она выписывала чек. Джанет подняла глаза, слегка улыбнулась мне – это могло означать что угодно – и указала на кресло.

– Вы едете в Гонконг, мистер Райан? – спросила она, отодвигая чековую книжку.

Она наблюдала за мной, когда я садился.

– Видимо, не сразу. Я смогу сделать это в конце недели, если мне будет сопутствовать удача.

– Вам будет необходимо сделать прививку от оспы. Да и от холеры хорошо бы, но это не обязательно.

– С прививками у меня все в порядке. – Я вынул пачку сигарет, предложил ей и, когда она покачала головой, прикурил, затем положил пачку в карман. – Мистер Джефферсон сказал, что вы покажете письма от его сына. Мне нужна любая информация, иначе поездка будет пустой тратой времени.

– Я приготовила их для вас.

Она открыла ящик, вынула шесть писем и вручила их мне.

– Херман писал раз в год. Кроме адреса, боюсь, вы не узнаете из них ничего.

Я проглядел письма: они были очень короткими. В каждом содержалась настоятельная просьба о деньгах. Херман Джефферсон не утруждался деликатно подходить к финансовому вопросу. Он просто сообщал, что здоров, что ему не везет в делах и что ему нужно немного денег. Первое письмо было отправлено пять лет назад, и каждое следующее – с интервалом в год. Последнее письмо, однако, действительно заинтересовало меня. Оно пришло год назад.

*Отель «Поднебесная империя», Ваньчай
Дорогой папа,*

я познакомился с одной китайской девушкой и собираюсь на ней жениться. Ее имя – Чжюян. У нее была тяжелая жизнь, поскольку она беженка из Китая, но она симпатичная, умная, и это мой тип женщины. Я предполагаю, что ты, конечно, не обрадуешься этой новости, но ты всегда говорил, что я должен жить своей жизнью, поэтому я женюсь. Я

уверен, что она станет хорошей женой. Я подыскиваю квартиру, но это нелегко, поскольку цены подскочили. Мы можем пожить здесь в отеле. Это в какой-то степени удобно, но я предпочел бы иметь собственный дом.

Надеюсь, ты дашь нам свое благословение. Если бы ты захотел послать немного денег на квартиру, это было бы очень кстати.

*Всегда твой,
Херман.*

Я положил письмо.

— Это последнее письмо, которое он написал, — спокойно сказала Джанет Уэст. — Мистер Джефферсон очень рассердился. Он телеграфировал, что против этого брака. С тех пор он ничего больше не слышал о сыне, а десять дней назад получил вот это письмо.

Она передала письмо, написанное на дешевой почтовой бумаге, слабо пахнувшей сандалом. Письмо едва можно было разобрать и читалось оно с трудом.

*Отель «Поднебесная империя», Ваньчай
Мистер Джефферсон,
вчера умер Херман. У него была автокатастрофа.
Он часто говорил, что хотел быть похороненным дома.
У меня нет никаких денег, но если вы пошлете мне
некоторых, я привезти его, чтобы он быть похоронен
так, как он хотел быть. У меня нет никаких денег,*

чтобы похоронить его здесь.

Чжюян Джефферсон

Меня поразило это жалобное письмо, и я внезапно представил себе эту китаянку, у которой нет не то что будущего, а даже денег на похороны мужа, если свекор не смягчится и не сжалится над ней.

– И что же дальше? – спросил я.

Джанет Уэст промокнула перо своей золотой ручки. Ее глаза выражали полное равнодушие.

– Мистер Джефферсон сомневался в подлинности письма. Он подозревал, что эта женщина пыталась выудить у него деньги и что его сын жив. Я позвонила американскому консулу в Гонконге и узнала, что Херман действительно погиб в автомобильной катастрофе. Тогда мистер Джефферсон велел написать этой женщине, чтобы она привезла сюда тело Хермана, и предложил ей остаться в Гонконге, пообещав платить ей регулярную ренту. Но, как вы знаете, она привезла тело, но так и не добралась до дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.